

Александр Митрошниценко

ВРЕМЯ ЕСТЬ

18+

Александр Мирошниченко

Время есть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69637858

SelfPub; 2024

Аннотация

Рукопись этой книги публиковалась на Литрес как черновик. Публиковать черновик дело рискованное. Но в этом есть и некая справедливость: никто не знает последующий ход событий. Естественно, у автора есть общий план. Но творческий процесс очень часто идёт не так, как это виделось вначале. Герои, которые были только задумкой автора, вдруг оживают и начинают жить своей жизнью. И с абсолютной уверенностью можно обозначить только обстоятельства, из которой они отправились в путешествие под названием взрослая жизнь. 1989 год. Южный приморский город и стоящие на пороге первой любви герои: выпускники средней школы Никита и Светлана. Их сердца полны предощущением нового для них, чувства, а в планах совместное поступление в столичный университет. Но появляется разлучница – одноклассница Люба. И покидает Светлана родной город одна. А Никита вынужден остаться, но ненадолго. На его дальнейшую судьбу влияет случай: судно, на котором он трудится матросом, приходит в родную гавань раньше на сутки.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Между глав	18
Глава 3	19
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	61
Глава 9	67
Глава 10	74
Глава 11	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Александр Мирошниченко

Время есть

Глава 1

– Я только сгоняю на рынок. Мама просила отнести картошку домой.

Света ослабила объятия и немного отстранилась. Она смотрела в глаза, а может, ещё глубже.

– Время есть. Мы никуда не торопимся. Я подожду. Сколько потребуется, буду ждать тебя.

Никита опустил глаза, но вид по-детски пухлых, как называли друзья-одноклассники, «целовательных» губ подружки смутил ещё больше. Он отчаянно ткнулся в щёку девушки своими сухими губами и трусливо кинулся на выход. Только у двери Никита осмелился оценить реакцию Светланы. Оглянулся и понял: бежал напрасно. Подруга стояла неподвижно.

«Эх, нужно было...», – смелость вернулась, но исключительно в фантазиях.

– Я вернусь скоро.

– Надеюсь, – тихо прозвучало в ответ.

Всё время, пока Никита спускался по лестнице, шёл через двор, а потом нёсся по улице до рынка, внутренний голос

просил, уговаривал, канючил, требовал: «Вернись».

«Ага, вернись, – отвечал опыт. – тут за опоздание получишь по полной, а если не прийти, то вообще...».

Что «вообще» Никита не знал, но не смел ослушаться мать.

На рынке Олеся Фёдоровна, отчитав сына за опоздание, дала команду сначала завезти картошку тётке Гале в кафе на пляж.

– Выгрузишь, и она даст мешок сахара. Скоро варенье нужно будет готовить на зиму. Это недолго, – пресекла мама попытки возмутиться. – Нагуляешься ещё. Лето впереди.

– Какое лето, мам?! Меня Света ждёт...

– Светка? Подождёт! – твёрдо заявила женщина, показывая на мешки, ожидавшие погрузки.

До пляжа старой «Победой» дяди Степана, мужа маминой сестры тётки Гали, добрались быстро. Но там вышла заминка. Сахар ещё не подвезли, и мероприятие затягивалось.

– Иди искупайся, – увидев расстройство Никиты, предложила тётка. – Я кликну, как привезут.

Купаться не хотелось. В мыслях были только девичьи глаза и, конечно, губы.

«Эх, – ещё раз смело подумал Никита, – А можно же было... А так и поцелуем это не назвать. Даже дружеским».

Но всё же Никита спустился на пляж и сел на крайний топчан в дальнем от моря ряду. А потом и прилёг, положив руки под голову. Нежно-белые облака, как на картинках в учеб-

нике по природоведению, принимали самые разные формы, напоминающие то щенка, то парусник, то женский силуэт.

– Оплачиваем топчаны, не стесняемся, – вернул в реальность громкий голос.

Голос принадлежал Любке Тырбе. Она наклонилась над лежащим парнем, пытаясь сделать строгое лицо. Но из-за смеха у неё это не вышло. Одноклассница летом часто подменяла свою маму, заведующую платными топчанами на пляже. Анна Аркадьевна, мама Любы, женщина одинокая и очень эффектная не только для своих неполных сорока лет, но и вообще, вынуждена была часто отлучаться с рабочего места для, как она называла, «налаживания личной жизни».

Девушка склонила лицо очень низко, и Никита невольно опустил глаза. В таком положении грудь Любы, удивительно белая в контрасте с сильным загаром остального тела, открылась полностью.

– Пойдём купаться.

Люба распрямилась, вроде даже не заметив нескромный взгляд парня, и потянулась вверх переплетёнными над головой руками. В такой позе её фигура была просто идеальна. Несколько взрослых мужчин-отдыхающих с разной степенью откровенности рассматривали точёные формы девушки. Никита тоже залюбовался и не мог отвести глаз от загоревшего дочерна живота. Загар заканчивался чуть выше края очень нескромных плавок. Люба стояла очень близко, и Никита хорошо рассмотрел выгоревшие, золотистые, воло-

синки на её тёмном животе. Чуть ниже на фоне белой кожи их уже не было видно.

«Интересно, а там у неё тоже волосы светлые?», – неожиданно промелькнула фривольная мысль, но испугавшись, что Люба поймёт, о чём он думает, Никита поднялся.

– Жарко. Пойду в кафе посижу, – пробурчал он немного охрипшим голосом.

– Можешь в каморке побыть, пока я искупаюсь. Там прохладно.

Люба пошла в сторону моря и – тут уж без вариантов – парень смотрел на её попу, практически неприкрытую слишком откровенным бикини, только входившим в моду этим летом. Отойдя на несколько шагов, девушка повернулась, и Никита увидел, как тонкие губы девушки изогнулись в циничной ухмылке, а серо-зелёные глаза говорили: «Кто бы сомневался».

– Никуда не уходи, – крикнула Люба, – Остаёшься на хозяйстве.

Каморка была встроена в стену, которой заканчивался пляж. И там действительно оказалось прохладно. Грязное окно и старая выцветшая занавеска на двери создавали полумрак. Никита прилёг на топчан. Шум моря, крики чаек и гул голосов отдыхающих действовали умиротворяюще. Не отпуская взгляд Светы. И её губы.

«Что она имела в виду, говоря: “Я буду ждать тебя”? – думал Никита. – И почему я не решился поцеловать по-насто-

ящему? Она же не шелохнулась, когда я неловко чмокнул в щёку. Скорей бы привезли этот чёртов сахар».

Мысли, звуки, полумрак убаюкивали.

Открыв глаза, Никита не понял, где находится. Он даже не сразу осознал – проснулся ли на самом деле. Дверь в камеру была закрыта, а на фоне плохо пропускающего свет окна виделись расплывчатые, как во сне, очертания женской фигуры. Никите часто снились раздевающиеся женщины, но что у них под снятой одеждой, ни в одном сне разглядеть не удавалось. Вот и сейчас – девушка сняла светлый лифчик и выкрутила его, но на месте снятого предмета оказался другой ещё светлее.

«Зачем носить два лифчика?» – подумал Никита, а может, ему приснилась эта мысль.

С плавками произошло то же самое.

«Почему девушки в моих снах никогда не раздеваются догола?» – продолжил рассуждать Никита перед тем, как осознал – это не сон.

Девушка сделала шаг в сторону, и пришло понимание: её зовут Люба и на ней не другой купальник. На ней вообще ничего нет, а за купальник Никита принял очень белую незагоревшую кожу.

Люба осматривала себя в небольшое зеркало над столом и стряхивала с тела песок. Никита громко сглотнул обильную слюну и испугался, что может быть услышан. Люба стала вытирать голову, не замечая присутствия постороннего.

Закончив, она бросила полотенце на топчан.

Никита ойкнул от неожиданности, и только теперь Люба поняла, что не одна в помещении.

– Кто здесь? – спросила она, отступив к окну, и в каморке стало совсем темно.

– А кого ты на хозяйстве оставила? – наконец обрёл дар речи невольный наблюдатель.

– Фу, ты.

Люба обмоталась полотенцем и, взяв со спинки стула трусики, быстро надела их.

«А лифчика на ней нет», – отметил про себя Никита.

– Я думала, ты ушёл. Тётя Галя так кричала: «Никита, сахар привезли», весь пляж слышал.

Люба села на топчан рядом.

– А ты, оказывается, пристроился здесь втихаря за мной подсматривать.

Никита не видел, но не сомневался – девушка ехидно улыбается.

– Ничего я не подглядывал...

– А что делал? – перебила Люба. – Лежал с закрытыми глазами пока я тут голая расхаживала?

– Я спал, – почти не соврал Никита.

– Мы можем проверить, – хихикнула девушка, и её рука опустилась на шорты парня. – И это называется, ничего не видел? – Уже в голос засмеялась она.

«Убери руку!», – мозг дал команду строго произнести эту

фразу, но первый же звук короткой фразы застрял в горле, потому что девичья ладонь теперь юркнула под шорты.

– Я думала парни огурцы в трусы суют для солидности, а нет... не огурец, – уже с хрипотцой прошептала Люба.

«Надо идти, – говорил, нет, даже кричал, внутренний голос, – Света ждёт».

Но Люба уже сбросила полотенце и толкнула в бок.

– Подвинься. Холодно.

Мокрые руки девушки обняли. Ладонки были горячими и в песке. Это возбуждало и обезоруживало. Никита и не заметил, как его футболка, а затем и шорты оказались на пыльном полу.

«Как же так, – мелькнула мысль, когда Люба сильно прижалась голым телом, – я же видел – она надевала трусы».

Но на Любе, как и на Никите, ничего не было. А следом не стало и мыслей. Весь мир сжался до размеров сначала каморки с закрытой дверью и грязными окнами, а потом и до топчана, где два молодых тела неистово стремились друг к другу. И не было в этом мире силы, способной остановить их.

В себя Никита пришёл от ощущения прохлады. Он открыл глаза и увидел Любу, стоящую в дверях. В ярком лунном свете очертания обнажённой фигуры казались нереальными.

Девушка почувствовала взгляд и обернулась. Волосы при повороте головы взметнулись и на мгновение засияли, отра-

жая лучи ночного светила.

– Айда голяком купаться. Мы здесь одни, – крикнула Люба и понеслась к воде.

Никита вышел из каморки и сначала побрёл, а потом и побежал следом, столь завораживающей была картина: бегущая к морю обнажённая девушка на фоне лунной дорожки. Люба с разбега плюхнулась в воду и поднятые брызги заискрились роем маленьких светлячков.

– Смотри, смотри, – радостно закричала Люба, – у меня кожа светится.

И в этот момент Никиту охватила печаль. Она была столь велика, что её не вмещало сознание юноши. Да что там сознание? Печаль была больше ночного пляжа, чёрного бескрайнего моря, бездонного тёмного неба, освещённого полной луной и далёкими звёздами.

И пронзила мысль: «Почему здесь не Света?».

И от этого вся дальнейшая жизнь стала казаться уже бессмысленной. А ещё пустой и бесцельной.

Люба вышла из воды, и светящиеся капли стекали по её коже. Она прижалась к Никите. Он не ответил на объятия. Девушка провела рукой по плавкам юноши и по-своему истолковала его состояние:

– Совсем сил не осталось? Ничего, это поправимо.

Глава 2

Никита подъехал к любимому ресторану на служебном «электросипеде», как называли новое чудо техники в фирме по доставке товаров. Каждый раз, когда маршруты проходили поблизости, он старался пообедать именно здесь. Цены, конечно, кусались, но отказать себе в таком излишестве было сложно. Сегодня же маршруты не имели значения. Выполнение первого же заказа испортило настроение, и лучшего места для его поправки Никита не знал.

Закрепив цепью своё транспортное средство у входа рядом с припаркованной жёлтой «Теслой», Никита спрятал курьерский плащ в ранец. В таком виде уже было приемлемо посетить любимое место.

– Никто не хочет возвращаться в прошлое. Никто, – спокойно тоном учителя, вынужденного много раз повторять знакомый текст, говорил мужчина, сидевший за соседним столом.

Никита изучал меню в ожидании официанта, и без того прекрасно зная, что закажет, и невольно прислушался к дискуссии. Говоривший сидел лицом к Никите. Он был в белом костюме, а на спинке соседнего кресла висел зонт в белом чехле, весьма похожий на трость с замысловатой ручкой. Его слова адресовались женщине. Лица собеседницы не было видно, но сомнений в её привлекательности почему-то не

возникало. Будто желая подтвердить ожидания стороннего наблюдателя, она повернулась и приподняла руку. Официант появился немедленно, и Никита очень пожалел о проворности обслуги. Но мгновения, когда стало видно лицо незнакомки, оказалось достаточно, чтобы оценить её внешность, впечатлиться идеальным профилем и по-детски пухлыми губами.

«Как у Светы», – подумал Никита.

Очень давно именно на этом месте располагалось непрезентабельное кафе с таким же названием – «Время есть», где они случайно встретились со Светой. Никита тогда не мог оторвать глаз от пухлых губ бывшей подруги, которые он так и не поцеловал, и знал – уже никогда не поцелует. А Света не поднимала глаз. Руки её складывали и раскладывали бумажную салфетку, которая приобретала различные формы. Никита ничего не желал так страстно, как этой встречи. Но и боялся её также сильно. Страх пересилил радость и раздвинул Никиту.

Сколько раз потом, прокручивая в памяти это событие, он отчаивался, не находя ответа на вопросы: «Почему? Почему? Почему?».

Почему не объяснил ей, как всё было?

Почему не сказал, что никого в жизни не любил, кроме неё, и уже никогда не полюбит?

Почему не...

«А что бы я ей предложил? – отвечал сам себе молодой

человек, – И как бы тогда я поступил с Шурой?».

– Не могу с тобой согласиться, – прервал размышления Никиты красивый, низкого тембра, женской голос. – Вот, допустим, некто совершил неправильный выбор. И осознал это. Разве он не захочет вернуться в прошлое и исправить свою ошибку?

Никита вспомнил тот выбор, который уничтожил его жизнь. Он, молодой и очень способный к наукам парень, забросил всё. Можно сказать, променял своё будущее на короткую, пусть и яркую, радость телесной близости. Почему внутренний голос молчал, а не кричал:

«ТЕБЯ ЖДЁТ СВЕТА?!»

Тогда на пляже и потом.

А что было потом? После яркой близости в каморке и ночного купания Никита оказался в вакууме. Это стало понятно позже. А тогда весь мир для него заключался в красивой бывшей однокласснице. Вернее, не в ней, а в её молодом сумасшедше притягательном и, главное, доступном теле. Никита даже забыл глаза Светы, вспоминая которые, он на короткое время выходил из морока первого сексуального плена. Но очередная близость испепеляла любые мысли.

И никого не было рядом. Мама периодически навещала, заносила фрукты и овощи и с тоской смотрела на сына. Люба ни на секунду не оставляла их наедине и ворчала, мол, не в нищую семью сын ушёл. Но принесённое принимала и прятала в холодильник. Даже свою маму, Анну Аркадьевну, Лю-

ба отправила к бабушке, чтобы вообще никто не мешал им.

Однажды утром, когда Никита ещё спал, а Любе нужно было на рынок, она увидела в окно идущую через двор Свету. Та явно направлялась к ним. Люба быстро разделась полностью, накинула Никитину сорочку, открыла дверь, как только в неё постучали.

Свету смутил вид подруги, и она, отводя глаза, попросила: – Мне бы с Никитой поговорить. Он собирается в университет поступать, как мы планировали?

Хозяйка открыла дверь шире, полы сорочки разлетелись в стороны, демонстрируя наготу.

– Свет, ты понимаешь, что ты не вовремя. – Люба дождалась, пока гостя посмотрит в глаза. – Ну, как ты думаешь, мужчина выберет это пользоваться, – она показала на своё тело, – или над книжками корпеть?

Соперница смутилась ещё больше и попросила только передать, что она заходила.

– Конечно, передам. Если время будет, – заверила Люба. Лето пролетело, и, только увидев начавшие желтеть листья клёна во дворе, Никита осознал: совместной учёбы в вузе не будет, и вряд ли уже когда-то вообще появится в его жизни университет, о котором он мечтал. Не будет в его жизни Светы, по словам Любы, уехавшей в Москву.

– Даже привет передать не просила, – рассказывала Люба о придуманной случайной встрече с одноклассницей на рынке.

А однажды утром Никита услышал, как Люба с Анной Аркадьевной разговаривают на кухне.

– Может, его на рынок пристроить? – предложила Люба.

– Я тебя умоляю, – возражала Анна Аркадьевна. – Из него продавец, как из меня балерина. Да и бабья на рынке видела сколько? Уведут, и глазом моргнуть не успеешь. Лучше его плавать отправим. Сначала каботаж, а потом, может, и в заграничку попасть. Попросишь Гошу...

– Мама, – раздражённо перебила дочь. – У тебя, вон, сколько любовников из плавсостава...

– А меня никто не хочет спросить? – перебил обсуждение своего будущего Никита, выйдя на кухню в одних трусах.

– Я хочу, – отозвалась Анна Аркадьевна. – Хочу спросить: ты собираешься семью обеспечивать или будешь у нас на шее сидеть? Я свою дочечку не в наймы отдала...

– Мама, прекрати, – вступилась Люба. – Мы сами разберёмся.

– Разберутся они. Как же, – ворчала женщина, когда дочь попросту выталкивала её из квартиры.

И разобрались. Лёгкими капризами, мелкими обидами, пылкими ласками, о которых Никита и не представлял раньше, добила Люба своего. И уже в сентябре Никита матросом пошёл в первый рейс. Возвращался он в приподнятом настроении. Родной город встретил летним теплом и разноцветьем ранней осени. К этому добавлялось осознание собственной взрослости – он получил первую зарплату и нёс до-

мой удивительной сладости арбуз.

По плану, их судно прибывало только на следующий день, но, отработав быстро на разгрузке-погрузке, они сэкономили сутки. И предчувствие приятного сюрприза Любе было ещё одним поводом для хорошего настроения. Тихонько открыв замок входной двери, Никита уже рисовал в воображении радостно удивлённые глаза своей девушки и всё, что за этим последует, тоже представил.

Между глав

В своих воспоминаниях Никита был далеко и во времени и в пространстве, а странные вызвавшие его интерес мужчина и женщина продолжили только им понятный диалог.

– Ты же понимаешь, Надежда, что как не могут, живущие в двухмерном пространстве представить табуретку, имея возможность созерцать только четыре кружочка, расположенных по вершинам квадрата, так и обычному человеку невозможно представить, такое многомерное явление, как время, имея возможность наблюдать только его проекцию в трёхмерном пространстве.

– Тогда, что уже говорить про душу, – откликнулась женщина.

– Давай душу оставим на следующий раз. А сейчас я ещё раз хочу тебе показать, что твоё утверждение о возможности исправлять ошибки в прошлом есть утопия. Ты же видишь, что он не то, только не смог исправить свои ошибки, но даже категорически отверг такую возможность.

– Я не согласна, Александр, с такой интерпретацией результата. – Вполне спокойно ответила Надежда, – Столь тонкий намёк на возможности, которые простому человеку кажутся фантастическими, за эксперимент засчитать не могу.

Глава 3

Но Люба не спала. Войдя на кухню, откуда раздавались непонятные звуки, Никита увидел странную картину: на полу возле газовой плиты посреди разбросанной одежды происходило нечто несуразное. Сначала увиденное даже рассмешило: голый бледный мужской зад дёргался между задранных загорелых женских ног. На одной болтался очень смешной Любин тапок в виде утёнка.

Понимание ситуации ударило молнией, и дальнейшее Никита уже помнил эпизодически, только редкими кадрами, которые, как при фотовспышке, вырвала память из всего происходящего.

Любкин удивлённый взгляд из-за чужого плеча...

Хриплый мужской голос: «Сдрисни, дай кончить» ...

Собственный крик: «Вы охренели?!».

Потом злобные чёрные глаза и кулак, летящий в челюсть...

Никита рефлекторно поставил блок, а когда мужчина схватил со стола нож, резко боднул того лбом между источавших ненависть глаз. Затем, не дав сопернику опомниться, со всей силы приложился по мерзкой физиономии незнакомца сковородой, которую схватил с газовой плиты. По полу разбросало недоеденную яичницу-глазунью. Взгляд врага медленно терял концентрацию. И уже бесчувственное тело

рухнуло на пол. Любка грязно материлась, выбираясь из-под упавшего.

– Ты, что наделал, придурок? – злобно прошипела она, с опаской поглядывая на тяжёлый предмет в руке мужа. – Знаешь, кого ты вырубил? Это Гоша Сыч. Он полгорода держит.

Когда сковорода оказалась на плите, Любка осмелела. Она стояла голая, в одном тапке. На коленке другой ноги болтались трусы. Никита расхохотался. И не мог остановиться, пока не почувствовал, как «благоверная» трясёт его за плечи.

– Приди в себя, дебил. Когда Гоша оклемается, тебе конец. Сычу пришить человека, что высморкаться. – Увидев, наконец, осмысленный взгляд Никиты, она продолжила уже по-деловому: – Ты сейчас очень надолго исчезнешь, так, чтобы никто не знал, где ты. Учти, у него везде свои люди: и в ментовке, и на вокзалах. Поэтому только на попутках. И о-о-очень далеко.

Говоря это, девушка рылась в карманах брюк вырубленного гостя. Наконец по-хозяйски достала бумажник и вынула из него пачку зелёных купюр. Разделила примерно пополам и протянула одну часть Никите, а вторую спрятала за газовой плитой. Никита никак не мог сконцентрироваться на происходящем и стоял, пытаясь осмыслить услышанное.

– Быстро. Как только он очухается, тебя будут искать все бандюганы города.

Люба подошла близко, сунула деньги в карман куртки и внимательно посмотрела в глаза.

«Неужели она хочет, чтобы я её поцеловал?» – брезгливо подумал Никита.

Но у Любы была иная просьба.

– Бей. Сильно и в глаз. Я скажу, что ты меня вырубил и я ничего не помню. – Увидев нерешительность, она добавила: – Ты же не хочешь, чтобы меня пришили? Ну, давай! Я изменила у тебя на глазах! Ты же видел, как другой мужик совал в меня свой член.

Когда девушка поняла бесполезность уговоров, она схватила сковороду и с размаху ударила себя в лицо. Потом легла рядом с неподвижным телом своего любовника – криминального авторитета. Прележав несколько секунд с закрытыми глазами и, не услышав звука входной двери, посмотрела на застывшего на месте Никиту.

– Жить хочешь – сматывай.

Таков был смысл сказанного, переданный в форме, далёкой от литературных норм. Мат в устах Светы возымел действие и, подхватив чемодан и сетку с арбузом («Не оставлять же этой б...»), Никита оказался на улице. Не раздумывая, он заскочил в стоящий на остановке трамвай.

– Приобретаем билеты, – прокричала почти на ухо толстая кондукторша.

– Возьмите лучше арбуз, – предложил Никита.

Женщина, смерив парня взглядом, глазами показала на своё место и оторвала билет. Избавившись от тяжести, Никита стал рассуждать. Слова и поведение его девушки, кото-

рую он по глупости считал своей женой, говорили о серьезности ситуации.

– Морячок, ты выходишь? – спросил за спиной чей-то голос.

Никита кивнул, соглашаясь, и вышел на следующей остановке. Он стоял с чемоданом на краю тротуара, совершенно не представляя, что ему делать. Рядом взвизгнули тормоза, и из окошка »Жигулей» выглянула круглая физиономия пассажира с нарисованной улыбкой.

– На вокзал, моряк? – спросил водитель, показав глазами на чемодан. – А что по деньгам? – поинтересовался он, когда потенциальный клиент согласно кивнул.

Никита неопределённо пожал плечами.

– Я Костя, – протянул руку немедленно выскочивший из авто мужчина и, подхватив чемодан, устроил его в багажник.

– Из рейса? – имея в виду морскую форму, продолжил разговор Костя, когда машина уже тронулась. – Из загранки, небось?

Приняв молчание за согласие, спросил с надеждой:

– А чё хмурый такой? Может, на поезд опоздал?

Никита не хотел обманывать ожидание или просто надеялся, что тот замолчит, опять кивнул, соглашаясь.

– Класс! – обрадовался Костя и немедленно поправился. – В смысле, сочувствую. Это же московский? Четвертная – и мы догоняем твой поезд на Узловой. Все просят полтинник, но соглашаются на тридцатку. А мне по дороге, поэтому счи-

тай, тебе повезло – всего четвертак.

«Очень повезло», – подумал Никита, не представлял своих дальнейших действий, и опять кивнул утвердительно.

Настроение у Кости стало ещё лучше, и всю дорогу он уже не умолкал, перебирая темы от «все бабы стервы и беды у мужиков только от них» до «гаишники козлы, но шурин Колян классный мужик, хоть и гаишник».

В конце поездки Никита уже знал всё про Костю, его родственников, соседей, друзей, коллег и всех, с кем тот был знаком или кого просто подвозил. Недалеко от станции Узловой приветливый частный извозчик остановил машину и предложил рассчитаться

– Ты парень правильный, но клиенты разные бывают. Поэтому у меня принцип, – пояснил он.

А получив оплату, попросил клиента на выход.

– Тебе здесь пешочком три квартала, а мне светиться на станции нельзя: менты и местные бомбилы не любят посторонних.

И тон у Кости изменился: из своего парня он превратился в неприятного типа, с которым лучше не общаться. Последние события выключили эмоциональную оценку событий, и Никиту даже не возмутило поведение таксиста. И это, нужно заметить, было правильно – на станции местная братва уже искала по просьбе Гоши Сыча морячка по имени Никита.

А Никита в это время сидел на остановке автобуса, которым хотел добраться до железнодорожной станции, даже

не представляя свои дальнейшие действия. Всё так навалилось... Только несколько часов назад он пребывал в радостном предвкушении встречи со своей женщиной, а сейчас не имел понятия о том, как жить дальше.

«Нужно позвонить Любе. Может она прояснит...», – думал Никита, но его мысли оборвал удивлённо-заинтересованный взгляд девушки, проходившей по другой стороне улицы.

Это заставило вспомнить: на нём всё ещё была морская роба. На судне не переоделся – торопился обрадовать любимую. А дома оказалось не до этого. Вот все и обращаются к нему – «морячок».

Никита посмотрел по сторонам и увидел вход во двор. Подходящее место переодеться: закрытые металлические ворота с распахнутой настежь калиткой. Никита прошёл, положил чемодан и наклонился достать вещи.

– Не видели здесь морячка молоденького, – насторожил Никиту вопрос.

Сквозь щель он увидел, как мужчина из чёрного внедорожника спрашивал подошедшую к остановке женщину. Ответа Никита не расслышал, но преследователи поехали дальше. Только теперь оцепенение последних часов прошло, уступив место страху. Никита быстро сменил морскую робу на джинсы и новую цветастую сорочку, купленную у старшего механика. Затем проходными дворами вышел на другую улицу и направился в ту сторону, откуда раздавались звуки

депо, в надежде сговориться с проводниками уехать без билета. Страх подгонял, и Никита побежал. Чемодан не давал разогнаться. В этой ситуации очень неожиданно с ним поравнялся знакомый внедорожник. Водитель опустил стекло и спросил:

– Куда бежим?

– На работу, – ответил Никита, подумав, что железнодорожник – это однозначно не моряк.

– Машинист, что ли?

– Помощник...

– Слышь, помощник, а ты морячка не встречал сегодня?

– У нас в депо только железнодорожники, – решил играть роль до конца Никита.

Пассажиры внедорожника моментально потеряли интерес и понеслись продолжать поиск. А сам морячок заторопился к железнодорожным путям в надежде найти возможность оказаться как можно дальше от места, где его разыскивают. Но старания успехом не увенчались. На этой станции пассажирские поезда, если и встречались, то лишь те, что ремонтировались или находились на длительном отстое. А основная часть составов были грузовыми.

Поплутав между вагонов, Никита уже отчаялся не только уехать, но даже просто встретить живого человека, как услышал громкие голоса с другой стороны состава. С надеждой поговорить хоть с кем-то, он проскочил под вагоном и оказался недалеко от шумной компании. Его не заметили: парни

стояли спиной, громко переговаривались и смеялись. Обрадовавшись, Никита подошёл поближе и увидел источник их веселья – худенькая школьница, почти плача повторяла:

– Ну, мальчики... Ну, мальчики...

Те, в ответ хватали её за разные места, сопровождая это хохотом и комментариями.

– Нету здесь мальчиков, если, что. Сейчас сама убедишься, – сказал один из весёлой компании, и все мерзко загоготали.

– Вика, – громко крикнул Никита первое, пришедшее на ум имя. – Ты где пропадаешь? Вон отец тебя ищет.

Неожиданный окрик заставил парней повернуться, а затем посмотреть в сторону, куда показывал Никита, говоря про отца. Этим моментом воспользовалась девочка и резво юркнула под вагон. Нападавшие сначала никого не увидели, а затем поняли, что их обманули. Понимание это стремительно превратилось в гнев.

Парни были примерно его ровесниками. Никита оценил: каждому в отдельности он бы навалял без особых проблем. Первый разряд по самбо обеспечивал такую уверенность. С тремя противниками расклад уже оказывался явно не в его пользу. К тому же один юркнул под вагон, чтобы зайти сзади. Можно, конечно, и убежать, но тогда пришлось бы бросить чемодан. А это не входило в планы.

Когда же с трёх сторон стали приближаться разгневанные местные, и в руке одного оказался нож, Никита осознал: на-

прасно пожалел чемодан. Всё равно его заберут как трофей. Появилась злость на себя за неправильное решение. Значит, нужно, чтобы хоть один очень пожалел об этой встрече. Мозг стал работать быстро.

«Сокращаем численное превосходство», – мелькнула мысль, и Никита кинул чемодан прямо в руки стоящему напротив.

Тот рефлекторно поймал брошенный в него предмет и на несколько секунд перестал представлять опасность. Теперь прыжок в сторону невооружённого, захват и бросок через бедро. Ещё на пару мгновений, пока первый не разберётся с чемоданом, обеспечено численное равновесие, и можно попытаться обезоружить длинного с ножом. Если сблизиться очень быстро, то при таком захвате, нож у противника не представляет опасности. Но длинный это понял и перехватил оружие для удара снизу. Пришлось отступить, и в этот момент удар доской в темечко вырубил Никиту. Он упал, но очень быстро пришёл в себя. Однако, лёжа на земле, сопротивляться стало намного сложнее. Оставалось защищать жизненно важные органы, как советовал тренер на такой случай.

«Убьют или только покалечат?», – мелькнула мысль, но кисть автоматически захватила полную горсть гравия с песком.

Гравий полетел в лицо склонившемуся. Но ещё один удар по голове доской вырубил Никиту.

Как бы развивались события далее неизвестно, но именно в этот момент в рефрижераторной секции, стоящей на соседнем пути, недавно проснувшийся рефмеханик Павел Гмыря, решил пройтись до дежурного по депо, разузнать, когда отправят их состав. Уже вторые сутки ему приходилось «гонять» дизель для охлаждения вагонов, гружённых фруктами. Сейчас, открыв дверь, Гмыря увидел, как несколько парней избивали лежащего.

– Пацаны, – крикнул зычным басом Павел, – лежачего не бьют.

Парни, которым это адресовалось, отвлеклись на обращение. Кураж драки лишил их возможности трезво оценивать реальность. Иначе они бы подумали, стоит ли ввязываться в конфликт с мужиком богатырского вида. А сейчас, просто оставив лежащего Никиту, пошли на, как они считали, новую жертву.

– Ребята, не связывайтесь с дядей Пашей, – мирно попросил компанию рефмеханик. – Дядя Паша может и отшлёпать за плохое поведение.

Длинный достал нож.

– А не пойдёт ли дядя Паша на...

Не успел он закончить фразу, как его кисть сжали тиски. Этот мужик, который должен был испугаться одного вида холодного оружия, неуловимым движением перехватил руку и сжал с такой силой, что нападавший взвыл от боли, а нож упал на землю.

– Ножик детям не игрушка, – нравоучительно сказал дядя Паша, а перед этим, взяв за шиворот и за ремень главаря, отбросил на приличное расстояние.

Когда же он поднял оставленный трофей, от бравой компании и след простыл.

– Ты как? – спросил Гмыря спасённого.

– Вроде жив, – ответил тот.

– Пойдём на секцию. Приведём тебя в порядок.

Секцией, как оказалось, называлась сцепка из пяти вагонов, где четыре предназначались для груза, требующего специальных условий перевозки, и один посередине – для обеспечения этих условий и пребывания персонала. Так коротко дядя Паша объяснил суть своей работы.

На секции оказалось довольно уютно. А может, просто Никита впервые за сегодняшний день почувствовал себя в безопасности. Гмыря обработал раны и напоил горячим чаем. От попавшего в пустой желудок кипятка и печенья даже закружилась голова, напомнив, что сегодня Никита ещё не завтракал.

– Ну, а теперь рассказывай боец, как ты попал в этот переплёт? – предлагая своеобразную компенсацию за гостеприимство, спросил дядя Паша.

– Долгая история... – хотел избежать разговора на неприятную тему гость, но Гмыря перебил.

– Ужасно не люблю короткие рассказы. На секции всего два человека, и мы друг про дружку абсолютно всё знаем. А

стало быть, и поговорить не о чем. Сейчас у нас время есть.

И пришлось Никите изложить откровенно и обстоятельно последние события, которые привели его на эту железнодорожную станцию. А когда рассказ дошёл до спасения школьницы Гмыря перебил:

– Мужик! Уважаю. И теперь какие планы?

– Хотел у проводников попроситься без билета уехать в дальние края. В кассу стрёмно обращаться.

Гмыря усмехнулся.

– Логично, но на этой станции нет пассажирских поездов. Только грузовые. А если тебе, как я понял, всё равно куда, то могу предложить свою компанию. Но придётся некоторое время побыть механиком по рефрижераторным установкам Петровым Николаем Петровичем, тридцати двух лет отроду, женатым, положительным во всём, кроме неуёмной тяги к противоположному полу. Это мой напарник. Он отстал от секции позавчера, когда грузились. И догонять будет дня три-четыре. Я его знаю. Коля с учётчицей, такая дородная дама... – Гмыря показал руками немалые формы неизвестной женщины. – Во время погрузки складе замутил. Запомни: Николай Петрович, если ревизор спросит.

Никите такая оказия пришлась очень кстати, но он выразил сомнение:

– Так мне только девятнадцать.

Дядя Паша посмотрел с тоской на лицо своего нового напарника.

– Да, рановато я тебя отбил у этих гопников. Нужно было ещё немного подождать. Побуцали бы подольше и сошёл бы даже за сорокалетнего. Но, не страшно. Когда синяки на физиономии, то вопросы возникают: где и как? И про возраст уже не заморачиваются.

– А куда едем-то? – поинтересовался новоявленный специалист по рефрижераторным установкам.

– Я так понял, тебе это не очень-то и важно – ответил дядя Паша.

– И то верно, – согласился Никита.

Глава 4

До вечера начальник познакомил своего нового напарника с устройством секции и обязанностями: нужно было контролировать температуру в вагонах, груженных яблоками. А если что не так, будить дядю Пашу.

– А если дядя Паша не спит? – попытался пошутить Никита.

– Если есть, кому следить за температурой, можешь быть уверен: дядя Паша спит, – ответил серьёзно начальник секции.

Уже когда совсем стемнело, в двери громко постучали. Оказалось, с проверкой пришёл местный инструктор бригад рефсекций. Его в порядке обмена попросило об этом начальство депо, где работал Гмыря.

– Документы, санитарные книжки, должностные инструкции, – попросил проверяющий.

Проверяя книжку Петрова Николая Петровича, ревизор мельком глянул на фото, внимательно изучил даты прохождения комиссии, печати, а потом посмотрел на Никиту. Сто раз оказался прав опытный Гмыря.

– И кто это тебе так физиономию начистил? – с интересом спросил инспектор.

– Упал с лестницы, – пояснил Гмыря.

– А почему не оформили производственную травму?

– Так за пределами не то что секции, но и станции, – разъяснил опытный железнодорожник. – Вышел в магазин, а там ступеньки мокрые. Поскользнулся и вот результат.

Инструктор, получив правильные, с точки зрения закона, объяснения, всё же обратился к пострадавшему:

– А мы чего молчим?

– Да, – коротко ответил Никита, он же Николай Петров, и проверяющего это удовлетворило.

А через несколько минут состав тронулся, удаляя превратности семейной жизни и неприятности криминального характера дальше и дальше с каждым стуком колёс железнодорожного вагона.

За ужином Никита узнал много про своего спасителя. Гмыря – бывший десантник, чемпион по гиревому спорту и долго работал в цирке. Там и встретил свою, как он считал, суженую. Она только начала выступать ассистенткой в номере известного иллюзиониста. И как-то наш гиревик получил травму и не поехал на гастроли с труппой, а там совместная работа фокусника и его ассистентки из номера на манеже плавно перетекла в номер гостиничный. И по приезде домой жена сообщила мужу:

– Люблю другого.

Гмыря даже отговаривал её от этого шага, чего от себя никак не ожидал. Ассистенток у избранника, убеждал он, всегда много. И она, не первая, и, без сомнений, не последняя. Но жена стояла на своём, мол, любовь превыше всего. Са-

мо собой, меньше чем через год новый избранник, ссылаясь опять же на неземную любовь, которая «превыше всего» (и не поспоришь), завёл себе новую ассистентку и по совместительству жену. И Гмыря даже, пожалев бывшую, пристроил её в свой цирковой номер, ограничив, однако, общение только манежем.

– Относись к женскому поведению философски. Ибо бабы – существа непостижимые для нормального мужского разума и живут по каким-то, только им понятным, законам. Поэтому они и кажутся нам дурами. А они не дуры. Они просто другие. Да, кстати, они к нам относятся примерно также, – закончил рассказ о своей личной жизни и одновременно урок межполовых отношений старший товарищ.

– Нет, – возразил Никита, – вот Светлана точно не дура.

– А я никого так не называл. Это мы их так воспринимаем. Хотя вот Светка твоя и есть дурра, – отрезал Гмыря и, увидев желание собеседника спорить, пояснил: – Умная не отпустила бы одного. Или удержала, или с тобой бы пошла.

Никита никогда раньше не понимал, насколько важно для человека почувствовать себя в безопасности. Играя в детстве со сверстниками во дворе, можно было крикнуть: «Я в домике!», и оказаться под защитой. Тебя в этом случае не запятнать, коли играешь в пятнашки. Ни взять в плен, если это «казаки-разбойники». Попав в ситуацию, когда возникла реальная угроза жизни, Никита захотел, как в детстве, оказаться «в домике». И вагон рефрижераторной секции произ-

водства Германской Демократической Республики, по сути, стал для этого довольно подходящим местом. Стук колёс и пронсящий за окном пейзаж отделяли Никиту от реальной опасности всё дальше. И попасть постороннему в этот вагон, пока он несётся по железной дороге, обгоняя автомобили или заставляя их смиренно ждать открытия шлагбаума на переездах, никак невозможно.

Увидев, как глаза собеседника начали слипаться, дядя Паша указал на спальное место, и, заняв его, Никита моментально заснул.

Снилось ему, как Светлану обступили незнакомые мужчины в злополучном месте между грузовыми составами на станции. Среди них был Гоша Сыч. Увидев сковородку в руке Никиты, нападавшие разбежались, забирая с собой, непонятно как, вагоны, рельсы, станцию. На месте всего этого оказался ночной пляж, и Света выходила из моря. Отсутствие одежды, странным образом, не делало её голой. Капли воды стекали по загорелому телу и искрились в лунном свете.

— Мне холодно, — сказала девушка, подойдя очень близко, — пойдём в каморку. Там можно будет согреться.

У Никиты перехватило дух от мысли о том, как он будет согревать Свету и, схватив её крепко за руку, потянул за собой. Едва, закрыв дверь, Никита увидел, что находится в незнакомой квартире, где за столом сидят Люба, Анна Аркадьевна, Гоша Сыч. Они не обращали на вошедших внима-

ния, но страх накатил волной и заставил задохнуться, и только слова Светы: «Не бойся – это сон», успокоили сердечный ритм. За закрытой дверью в это время, кто-то выяснял отношения на повышенных тонах.

Никита проснулся и понял: поезд стоит, а в дизельном отсеке дядя Паша с кем-то разговаривает на повышенных тонах. Потом голоса стали еще громче, но слов по-прежнему было не разобрать. Наконец входная дверь захлопнулась, и уже с улицы кто-то незнакомый грозно кричал и стучал по металлической обшивке вагона. В жилой отсек ввалился Гмыря, громко смеясь.

– Мне говорили, что так бывает, но я думал анекдот, – рассказал опытный железнодорожник. – Пока ты спал, я смотрелся к соседям. Они персики везут, и я махнулся на яблоки. Так на так. Ну, в смысле, ведро на ведро. И тут откуда ни возьмись старшина из линейного отдела милиции нарисовался. Подождал, когда я на секцию ведро занесу, – и с проверкой. И нашёл персики. Мелкое хищение. Я сразу включаю виноватого, мол, бес попутал, сознаю свою вину, отрицать бесполезно. Давайте, говорю, явку с повинной оформим. Он доволен: «Идём в отделение». Я открываю двери, пропускаю его вперёд и ведро с персиками подаю. Старшина спокойно принимает: как ни помочь повинившемуся? А я ему громко так: «Не нужны мне фрукты, товарищ сержант. Вон, своих четыре вагона». Он обалдел. «Ты, вообще, о чём?», – спрашивает. Я ему: «Ну вы же на продажу при-

несли? Или нет?». Понял старшина, как он лоханулся. Мнечто предъявить уже нечего – ведро у него, меня с персиками никто не видел. Ох, как он матерился, – громко смеясь, закончил рассказ дядя Паша. – Теперь никому не открываем. Нет нас тут. Умерли.

Глава 5

Только на третьи сутки догнал секцию настоящий Петров Николай Петрович. Физиономия у него оказалась тоже с хорошим фингалом под глазом, и это вызвало приступ веселья у Гмыри.

– Ты молодец, Коля. Загримировался, – смеялся его начальник, показывая на временного сменщика тоже с разукрашенным лицом.

Николай был несловоохотлив, но, напарники всё же вытянули из него историю, как к разбитной учётчице неожиданно вернулся муж из командировки. Картина, как в анекдоте: жена раздета до пояса (повезло хоть в этом) и мужик незнакомый рядом. Массаж делать собирается.

«Массажисту» сразу прилетело и, вот, лежит он под столом, куда отправил его хорошо поставленный (похоже, не в первый раз такая сцена в этой семье) удар, и видит, как встает женщина и прёт на мужа, как будто это она застала его в подобной ситуации, а не он её.

С размаху бьёт по лицу сначала с правой, потом с левой. Большие и налитые груди её при этом аппетитно колышутся. Николай под столом даже залюбовался такой картиной. А удар у неё с оттяжкой, аж голова у благоверного дёргается, того гляди соскочит с плеч.

– Ты в своём уме, выродец несчастный, моего доктора

бить. Он только боль в спине убрал, и тут ты, скотина, всё испортил, – приговаривает возмущённая женщина, но потом ойкает и держась за спину оседает на диван.

И уже слёзы из глаз ручьём и обида на лице – никакой Станиславский не посмеет даже вякнуть своё «не верю».

– Вот только легче стало и опять, – сквозь боль выдавливает из себя глубоко оскорблённая женщина.

И страдание на лице настоящее, даже Николай поверил, хотя он-то наверняка знал – до «лечения» ещё дело не дошло. Растерянный муж наклоняется к «избавителю жены от боли» и протягивает руку:

– Степан.

– Николай, – отвечает «доктор» и, правильно истолковав взгляд мужа, добавляет, – Петрович.

– Ну, что разлётся Петрович, – грозно обращается Степан, – лечи, давай.

Понимая шаткость своего положения, Николай быстро входит в роль.

– Я же говорил не вставать сорок минут после процедуры, милейшая Анна Сергеевна. Теперь рецидив. А это убирать сложнее. Степан быстро принесите масло с кухни. Любое.

Последнее произносится безапелляционно, и муж срывается с места, пытаясь загладить свою вину.

– Думаете всё? – заканчивает историю Николай Петров. – Потом этот бугай, а он примерно твоей комплекции, Паша, просит и его подлечить. И знаете, я ему на спину надавил,

как меня коллега учил, а там хруст, как будто сухую ветку сломал. И боль реально прошла. Расстались лучшими друзьями.

Слушатели по-разному оценили эту историю, но высказывать своё мнение Никита не стал.

– А твои планы? – поинтересовался дядя Паша у Никиты, поскольку с приходом настоящего напарника, лимит на гостеприимство заканчивался. – Может, тебе рекомендацию выдать, да в наше депо устроишься. Курсы пару месяцев – и на секцию. Со мной будешь кататься. Коля-то скоро уже сам начальником секции станет.

– Пожалуй, мне нужно сейчас в глухую деревню где-нибудь за Уралом, пока моя история не забудется, – ответил Никита.

– Вот тут ты ошибаешься, дружище, – возразил Гмыря. Он взял яблоко со стола. – Смотри, если я спрячу его в нашем вагоне, то долго, с трудом, но всё равно его можно найти.

Никита согласился.

– А если спрячу в грузовом, где сто тысяч таких же яблок. Найдёшь его? – И дождавшись очевидной реакции, пояснил: – В Москву тебе нужно. Там и спрячешься, и опять же свою жизнь устроишь.

На ближайшей станции новые друзья договорились с начальником пассажирского поезда, следовавшего в столицу, и Никита в служебном купе отправился в новую неизвестность. Перед поездкой всё же решил позвонить Любе. До сих

пор не хотелось верить в необходимость покинуть родной город и прятаться. Теплилась надежда, что его фактически же на таким образом просто прикрывала свою измену.

Ответила Люба сразу. Никита почувствовал, как она испугалась, но быстро перешла на чересчур, приветливый тон.

– Ты, куда исчез, – ворковала Люба, – Я скучаю. Олеся Фёдоровна спрашивала, когда ты из рейса вернёшься. Приезжай, всё нормально, бояться нечего.

И Никита поверил: он очень хотел верить, – опасность миновала. А вполне возможно, и не было ничего, а всё это выдумки женщины, которую застали с любовником. Но следующая Любина фраза вернула все тревоги и опасения.

– Никита, это же ты сунул деньги за газовую плиту?

И вмиг улетучились все сомнения: разговор слушал тот, кто требовал от неё уговорить Никиту вернуться. А вопрос о деньгах – это её алиби.

– Конечно, я. Жди, скоро приеду, – закончил разговор Никита, не сомневаясь – в родном городе ему появляться опасно.

В поездке до Москвы Никита чувствовал себя более чем просто комфортно. Он один занимал целое купе, на котором была табличка «служебное». Иногда подсаляли кого-то ненадолго, и проводницы обязательно уточняли:

– Это тоже наш. Железнодорожник.

Никита понял, как хорошо хоть где-то быть «нашим», и даже немного пожалел, что не прислушался к совету дяди

Паши пойти работать к ним в депо.

Москва встретила прохладой ясного осеннего дня. Никита, попрощавшись с проводницами поезда, направился по адресу, который дал ему Николай Петров.

– Если и не приютят, – обещал Николай, – то, по крайней мере, подскажут куда обратиться.

Но не ведал «коллега», что двоюродный брат его развёлся и покинул столицу. И у Никиты оказался адрес не родственника его приятеля, а ещё и озлобленной на своего бывшего мужа Ирины. И пришлось бы Никите искать иные варианты устраиваться в столице на ночлег, кабы не холодильник, приобретённый хозяйкой и оставленный нерадивыми доставщиками на улице, поскольку по поводу подъёма на этаж грузчики с хозяйкой в цене не сошлись. Женщина уже пробежалась по всем соседям в поисках того, кто «за недорого» поможет решить проблему. Нашла только одного. И тот без помощника ничего поделывать не мог, даже несмотря на явное желание выпить, поскольку обещала Ирина проставиться.

И тут молодой здоровый провинциал ищет её бывшего мужа. И послала бы женщина с удовольствием куда подальше такого гостя, но не оставлять же на ночь дорогушую вещь на улице.

– Давай, помогай, – бесцеремонно, как старому знакомому, сказала Ирина, надеясь отделаться небольшой суммой, а может, и просто благодарностью.

Поднимали холодильник на третий этаж долго. Мужчинам и так было нелегко его тащить по лестничным пролётам, да ещё хозяйка путалась под ногами, следила как бы не поцарапали нигде дорогую вещь. Только за полночь в целости и сохранности холодильник оказался на месте.

– Сколько с меня? – спросила Ирина.

– Эй, что значит «сколько»? – возмутился сосед. – Обещала, так проставляйся, не стесняйся.

Женщина ещё надеялась сунуть припасённую на такой случай бутылку и выставить помощников за дверь, но сосед был непреклонен:

– Проставиться, Ирина, – это выпивка, закуска и место для культурного мероприятия. Мы же не алкаши какие. Мы помогли по-дружески, по-соседски, притом бесплатно. Вот и накрывай стол по-людски.

И пришлось хозяйке выполнить законные требования соседа. К тому же Никита перевёл с английского инструкцию к холодильнику и вкратце рассказал, как пользоваться иностранным чудом кухонной техники.

Когда застолье закончилось, Никита попросил совет: где можно было устроиться на ночь без документов. Объяснять причины почему она боялся светить свои данные, памятуя, как расстался с Гошей Сычом, не стал.

– Только не у меня! Отправляйся к родственничку своему, – отрезала хозяйка, имея в виду бывшего мужа.

Но тут опять по делу вмешался сосед:

– Ирина, это уже не по-людски. Парень тебе помог, а на улице ночь. «Метро, – как поёт Владимир Семёнович, – закрыли, в такси не содют».

– По-людски хочешь? Так к себе забирай постояльца, – ответила негостеприимная хозяйка.

– Ко мне нельзя. У меня однушка и тёща из Луховиц приехала, на кухне спит.

– А я одинокая женщина, – не сдавалась Ирина, – а ты мне невесть кого подселяешь.

– Тоже верно, – согласился сосед и с сочувствием добавил: – Тогда, давай так. Я остаюсь у тебя, а к себе гостя направлю. Моя точно не будет против такого красавца.

– Размечтался, помощник хренов, – оборвала гоготание соседа женщина, – Шуруй домой, а сама с гостем я разберусь.

– Годится, – согласился мужчина и, выходя, добавил: – Если выставишь парня ночью, сам прокляну и соседям расскажу.

– Иди, иди, проклинатель хренов, – уже выталкивая в спину, говорила Ирина.

Глядя на эту картину, Никита приготовился отправится вслед за соседом. Но хозяйка зашла на кухню и кивнула, предлагая пройти за ней. В комнате уже был застелен диван.

– Значит так. У меня не гостиница и не ночлежка. Бельё, стиральные порошки мне даром никто не даёт. Да и я не занималась стирать и гладить невесть кому.

Никита хотел спать. Он слушал и согласно кивал.

– Что киваешь? Платить есть чем? – раздражённо спросила Ирина. – Вон в «Космосе» и по двадцатке номера за ночь. Про «Интурист» уже молчу.

– По двадцатке? – удивился Никита, мысленно считая, сколько у него осталось рублей.

– Ну, это для примера. Чтобы знал, какие цены в столице. Соседка опять же двух студенток в комнату пустила – тридцатку в месяц с них берёт.

Такая сумма гостя уже вполне устраивала. И хоть видел он по глазам собеседницы – можно поторговаться, но сон своё взял.

– Хорошо. Я согласен, – ответил Никита.

– Согласен, он. Я на месяц тебя пускать не собираюсь. Три дня для поиска жилья. По рублю за ночь, – отрезала Ирина и повела гостя показывать туалет и ванную.

Засыпал Никита быстро. Уже в тот самый момент, когда действительность чудесным образом превращается в сон, вдруг услышал за дверью комнаты тихий, почти шёпотом, разговор. Хозяйка заискивающим голосом общалась с мужчиной, который отвечал тихо, но властно.

Глава 6

Света проводила Никиту взглядом. Её трогала и одновременно расстраивала его робость. Она видела, как он хотел её поцеловать, но не решался. Интересно, чего парни-то боятся? Ну, получит он отказ, и что? А вот не осмелишься, то кто-то другой обязательно окажется решительней.

А девчонки любят целоваться. Но это их «страшная» девичья тайна. А ещё есть у Светы собственный секрет: она уже целовалась с парнем. По-настоящему целовалась.

Это случилось прошлым летом, когда у них останавливалась семья папиных друзей из Сибири. Их сын – ровесник Светы – оказался очень общительным и попросил познакомиться с достопримечательностями города. Света с удовольствием согласилась. Со Степаном было весело и интересно. Иногда он затрагивал темы не совсем привычные. Он прямо спросил, спят ли ее одноклассницы с парнями. Света хотела показать себя взрослой и попыталась объяснить, мол, это рано и близость может быть исключительно с любимым, но сибирский гость только посмеялся:

– Ты, поди, и не целовалась ещё. Придётся научить хоть этому, – пообещал он, вроде шутя.

Такие слова ещё больше смутили девушку, но и сказать, что поучиться она категорически против, Света не могла. А гость, подобрав подходящий момент, когда родители по-

шли на рынок, неожиданно исполнил своё обещание. Света немножко была возмущена бесцеремонностью «учителя», но ей всё же понравился напор приятеля. А вот, когда Степан вдруг запустил руку под футболку и начал ласкать её грудь, возмутилась и вмиг прекратила обучение. Потом она немного даже пожалела о своей принципиальности. Это было волнительно, а ещё подруга объяснила: после поцелуя в губы парень может трогать грудь девушки. Но перестала Света сожалеть о прерванном «уроке», когда в выпускном классе увлеклась Никитой.

До последнего школьного лета все одноклассники казались ей ещё мальчишками. А в сентябре вдруг вернулись с каникул взрослые загорелые парни. Никита всегда проявлял к Светлане интерес, но выглядел очень наивным, хоть был спортсменом, отличником и знал всё обо всём. А в выпускном классе именно это сочетание ума и трогательной мальчишеской непосредственности («Даже целоваться не умеет», – думала она с высоты своего «опыта») и подкупило. И стала Света ждать, когда понадобится её умение целоваться. Но Никита всё не решался.

«Ну, как можно так смущаться? – расстраивалась Света. – Он же уже не мальчишка. В этом году поступит в университет и станет студентом. Считай, взрослый человек».

Летом после выпускного Никита зашёл в гости поговорить о поступлении, а может, просто поболтать, используя приемлемый повод. Света готовилась на физический фа-

культет Московского университета и надеялась, что Никита тоже будет учиться в столице. Хотя Олеся Фёдоровна – его мама – не хотела, чтобы сын покидал родной город. В местный университет талантливого ученика брали без экзаменов.

Никита во время разговора дурачился, и Света никак не могла настроить его на серьёзный лад. Он постоянно шутил и сам громко смеялся над своими шутками. Только, когда Никита по-дружески обнял, стало понятно – за показным весельем скрывается сильное смущение и желание поцеловать девушку. И Света сама ответила на почти невинное объятие откровеннее, чем требовали просто дружеские отношения.

– Я только сметаюсь на рынок помочь маме принести домашнюю картошку, – выпалил обрадованно Никита.

Света ослабила объятия и немного отстранилась. Она посмотрела Никите в лицо и поняла: они только сейчас пересекли какую-то незримую границу и дальше всё будет иначе. И ещё Светлана не сомневалась, что и Никита это понял.

– Время есть. Мы никуда не торопимся. Я подожду. Сколько потребуется, буду ждать тебя.

Никита опустил глаза, и Света знала – он смотрит на её губы, которые очень хотел, она в этом не сомневалась, поцеловать. Наконец Никита наклонился и ткнулся своими сухими губами в щёку. И трусливо сбежал.

«Это всё?», – расстроено подумала девушка.

Уже у двери Никита повернулся и посмотрел на реакцию. Света стояла неподвижно и, казалось, читала мысли друга:

«Эх, нужно было...».

– Я буду скоро, – выпалил Никита.

– Надеюсь, – тихо произнесла Светлана.

Но надежды не оправдались. Никита убежал, обещая скоро вернуться, но не появился ни в этот день, ни в последующие. Света заходила к нему домой, но не заставала парня, а Олеся Фёдоровна прятала глаза и уверяла: сын недавно вышел, но куда не сказал. И, наконец, подруги поведали: Никита поселился у Любы Тырбы, их одноклассницы.

Любка была троечницей. Учёба её давно не интересовала. Она уже в седьмом классе выглядела, как десятиклассница, а в выпускном её принимали за молодую учительницу. Носила Люба наряды, вызывающие негодование у женской части педагогического коллектива школы и смущающие учителей мужчин. Парней из своего класса она игнорировала, называя сосунками. А одноклассниц просвещала по части общения с противоположным полом, намекая на свой богатый опыт по этой части.

Всё это Света вспомнила с опасением и с надеждой, что подруги соврали. Но в гости к Любе наведальась. Та открыла дверь в Никитиной голубой сорочке (верхнюю пуговичку тёмной ниткой Света сама пришивала) на голое тело и недвусмысленно дала понять – они заняты. А чем – догадаться не сложно по её виду.

До самого отъезда в столицу Света ждала Никиту. Даже, если никаких отношений у них уже не будет, то рассказать о

своих планах и поинтересоваться делами Светы, он мог бы. Увы, ожидание оказалось напрасным.

И уже будучи студенткой столичного университета, Света узнала от мамы: Никита устроился в торговый флот моряком. Грустно и тоскливо стало от такой новости. Если бы он мечтал о море... но это был совсем иной случай.

И Света занялась учебой и проявляла такое рвение, как будто она училась за себя и за Никиту, о котором больше вестей не поступало. Однажды мама сообщила о каких-то очень серьёзных неприятностях бывшего одноклассника дочери («а как иначе, если связался с такой шалавой»), что ему пришлось срочно покинуть город. Света даже стала внимательно всматриваться в лица прохожих, не встретится ли её друг на улицах столицы.

Но нет. Даже если и гулял Никита по Москве, то по разным со Светой улицам. Впрочем, однажды, она увидела парня очень похожего на Никиту. Они тогда студенческой компанией возвращались с международной книжной ярмарки и были под впечатлением от обилия новых, ранее недоступных книг. Все громко спорили, и Света издалека заметила молодого человека, как две капли воды, похожего на Никиту. Тот парень с другим, очень непрезентабельного вида мужчиной понесли большой холодильник в подъезд. Света поняла, что обозналась. Родственников у Никиты в Москве точно не было, а работать грузчиком её друг однозначно не будет. Да и невозможно в громадной Москве совершенно слу-

чайно встретить знакомого из другого города. Так рассуждала девушка. А может, она просто боялась встречи со своей школьной любовью.

А если и желала встретиться то, как убеждала себя, исключительно с целью узнать причину стремительного разрыва их отношений. Никита был влюблён в неё. Это несомненно. И вдруг – пустая, хоть и внешне довольно эффектная, Любка Тырба уводит его буквально по мановению руки или ещё чего-то. Неужели мужчины настолько примитивны, что даже такого умного и глубокого, как Никита, можно увлечь, просто повиляв красивой задницей. Тем более и Света, при всей самокритичности, в своей привлекательности не сомневалась. Только не выставляла это напоказ, будучи уверенной – её избранник всё увидит и поймёт, как ему повезло, когда настанет время.

Глава 7

В Москве Света поселилась в студенческом общежитии. В начале первого курса она оказалась в комнате с Галкой Самоновой. Девушки подружились быстро, как это бывает с теми, кто не имеет иных знакомых в чужом городе. Галина, тоже отличница, обладала ещё и неуёмной энергией, которая проявлялась в самых разных формах.

В начале первого курса подруга привлекла Светлану к общественной работе. Они помогли канцелярии факультета привести в порядок документы приёмной комиссии. Требовалось разложить результаты вступительных экзаменов абитуриентов по личным делам. Светлана знала историю Галины. Та получила на первом же испытании по профильному предмету тройку. Председатель, оглашая результаты письменного экзамена, настойчиво посоветовал «троечникам» не тратить своё время, не загружать комиссию ненужной работой и забрать документы. Поскольку при таком раскладе шансы на поступление равны нулю.

– Причём нулю по Кельвину, если вы знаете, что это, – пошутил он.

Но Галина, со своим сибирским характером и жизненным принципом «Никогда не сдаваться», пошла на остальные экзамены, где получила заслуженные пятёрки.

И поступила.

Каково же было её удивление, когда она встретила свою работу, за которую ей поставили три.

– Интересно, на чём я прокололась? – сказала Галина.

Света, увидев, как глаза подруги округлились от изумления и наполнились влагой, быстро подскочила к ней. В обложке, подписанной красивым ровным почерком, оказалась вложена работа, изобилующая множеством ошибок. Но почерк принадлежал совсем другому человеку. Это было понятно без всяких экспертиз.

– Я... я... я... сейчас, – выдавила Галина из себя с трудом и выскочила из канцелярии.

Вернулась она где-то через час. От её возмущения не осталось и следа.

– Всё нормально, – пояснила она, – У меня, оказывается, «пять» за первый экзамен. Просто объявили неправильно. А это уже в канцелярии перепутали.

Света не очень поверила в объяснение, но посчитала – подруге виднее, как поступать. Немного прояснилась ситуация, когда недели через две Галину на собрании курса избрали в студенческий совет факультета, где первокурсница неожиданно для друзей стала заместителем председателя. Уже много лет спустя Галина поведала о подробностях инцидента.

Секретарь отборочной комиссии, увидев находку Галины, немедленно вызвала декана. Тот объяснил студентке ситуацию: она может поднять скандал – назначат виновных и на-

кажут по всей строгости вплоть до увольнения. Или Галина забывает про этот неприятный эпизод, и никто не пострадает, а «умная девочка» начинает стремительную карьеру. Выбор за ней.

– Видишь, благодаря какому случаю, я стала тем, кем стала, – закончила воспоминания подруга.

– Да, ты со своей башкой и напором бульдозера карьеру бы сделала при любом раскладе, – не согласилась с ней Светлана.

А на первом курсе и потом, пока учились, подруги, не сговариваясь, не вспоминали этот случай, как будто его и не было. К тому же студенческая жизнь закружила в своём водовороте, когда ни на что не хватало времени, но, оглядываясь назад, понимаешь: успевал абсолютно всё и ещё чуть-чуть.

Галина по известным только ей каналам узнавала о различных важных мероприятиях задолго до того, как об этом станет известно всем, а значит, имела возможности приобрести билеты, пока они ещё имелись в кассах. А иногда обходилась вообще без билетов.

– У нас очень мало времени, – отвечала Галина подруге, которая спрашивала, куда та торопится. И объясняла: – Помнишь, как ты пошла в первый класс? И всё. Пересчитала классы, как пальцы на двух руках и прощай школа. А это десять лет жизни. На уроках, казалось, время тянется, ползёт в сто раз медленней черепахи, а оно, время, летело и пронеслось от семи лет до восемнадцати за один миг. В универе бу-

дет то же самое. Только ещё быстрее, поскольку интересно. А дальше – семья, работа. И уже идти куда-то или нет зависит не от тебя. Поэтому, наслаждаемся свободой и живём на полную катушку.

И Галина сумела наполнить свою жизнь событиями. Досталось и Светлане. Благодаря подруге она посетила все значимые культурные мероприятия того времени: обновлённую международную книжную ярмарку, концерт Цоя во Дворце спорта, посмотрела не только легендарную «Юнону и Авось», но и каким-то чудом (Галина не объясняла, как она это делала) оказалась на прогоне «Поминальной молитвы» в Ленкоме.

И всё это у Галины получалось легко, как бы между делом. Так же просто она знакомилась с интересными, порой известными и влиятельными людьми. При том, что внешне она обладала вполне заурядной. Но благодаря своей энергии, которой заряжала окружающих, она затмевала более эффектных ровесниц, находившихся рядом. И объясняла это просто:

– Из двух женщин – умной и красивой – мужчина, сам того не осознавая, выберет первую. Поскольку та сама решает, когда она умница, а когда красавица.

Света восхищалась подругой. Ей не всегда удавалось организовать собственную жизнь, а тут рядом оказался человек, который в состоянии управлять всем, находящимся в поле его зрения.

Но по-настоящему убедиться в гениальных организаторских способностях подруги Светлане пришлось на собственном опыте.

Нельзя сказать, чтобы Свету тяготила её невинность. Но тревога от того, что ее потеря все равно рано или поздно произойдет, имелаась. Галина не сильно распространялась о своей личной жизни, но временами возвращалась в их жилище далеко за полночь или даже под утро. А иногда просила подругу погулять где-то часок-другой.

В такой ситуации Свету смущало лишь одно: почему Галя не знакомила её со своим парнем. Перебрав все возможные причины, Светлана решила поинтересоваться у подруги.

– Как только будет парень, сразу познакомлю, – смеясь, ответила та. – Пока я в активном поиске. Кстати, если тебе комната понадобится, говори. Не стесняйся.

Света почему-то смутилась такому проявлению внимания и даже покраснела, чего раньше за собой не замечала.

– Понятно, – вздохнув, резюмировала подруга.

И на следующие выходные на очередном культурном мероприятии девушки пересеклись с Галиными знакомыми с факультета журналистики. Возвращаясь в общежитие, компания живо обсуждала последние политические события, наслаждаясь свободой, свалившейся нежданно и, казалось, абсолютно бесплатно. Дискуссию продолжили в комнате подруг. Кирилл и Иван учились на выпускном курсе и хорошо представляли, чем будут заниматься уже скоро по окончании

обучения.

А ещё они много знали. Разговор, подогретый дефицитным вином, казался очень интересным. Уже позже Света поняла – знать обо всём на свете по чуть-чуть есть неперемное профессиональное качество журналиста. А тогда неподдельное внимание красивых парней, лёгкое опьянение, ощущение, объявленной свободы, приятно кружило голову. Галина пошла курить и забрала Ивана, а Света, не придав этому значения, продолжала спорить по какому-то, казалось, серьёзному поводу. Мешало дискуссии только то, что сидели оппоненты на одной кровати и было неудобно жестикулировать. И невольные прикосновения привели сначала к возмущённым тычкам друг друга, затем к невинным обнимашкам. А потом и к объятиям.

Ничто так не способствует ускорению любого процесса, как уверенность в том, что можно остановиться в любой момент. Так и Светлана, принимая ласки и отвечая на них, мысленно успокаивалась:

«Почему я должна отказывать себе, если это приятно и не повлечёт никаких последствий?».

Кирилл ни на чём не настаивал, передвигая границы дозволенного микроскопическими шажками, и Света даже удивилась, когда осознала, что лежит в постели и обнимается с таким же голым, как и она, мужчиной.

«До чего же неловко будет выглядеть, если прекратить всё сейчас», – подумала девушка.

И это оказалось последней осознанной мыслью, поскольку собственное возбуждение, непрекращающиеся ласки, физически осязаемое желание партнёра начисто отключили способность соображать.

– Можно, – на выдохе произнесла Света, больше себе, чем Кириллу.

Это «можно» устранило психологический барьер, который освободил от страха, раскрепостил и доставил наслаждение не меньшее, чем дальнейшее физическое проникновение. Даже, если бы Кирилл после сказанного остановился, Света бы всё равно считала себя женщиной, сказав, это «можно».

Но он не остановился, приводя физическое состояние в соответствие с тем, что уже произошло в сознании Светланы.

«Где же эти страшные боли и страдания?», – пришла мысль, когда после продолжительной и многократной близости Кирилл задремал.

Света обессиленная лежала, глядя в потолок, и удивлялась, как можно спать после такого. В конце концов, осторожно встала, стараясь не тревожить своего мужчину, и подошла к зеркалу. Она была уверена, произошедшие изменения должны отразиться и во внешности. В проникающем через застиранные занавески свете уличных фонарей её тело выглядело совсем иначе, а по сути, это и было другое тело. Тело, познавшее ласки и наслаждение. Оно отличалось от отражения, виденного в этом же зеркале только вчера. Обра-

довавшись, Света разбудила Кирилла, заявив, что хочет вина.

– Я знаю, что ты хочешь, – сказал он и заграбастал девушку в свои объятия.

Утром Кирилл пообещал навестить очень скоро и исчез. Только через неделю позвонил из Кишинёва, куда напросился внештатным корреспондентом от небольшой газеты освещать беспорядки в столице союзной республики. Встретились они нескоро, когда Кирилл нагрязнул с дарами Молдавии: домашним вином, брынзой и тыквенным пирогом.

Кирилл хвастался статьями в нескольких газетах и удивлялся, почему девушки не посмотрели его репортаж по телевидению. А ещё он объяснил: не имея протекции, сделать карьеру в журналистике, где уже на десятилетия вперёд расписано, чей родственник будет работать в каком корпункте, можно, только будучи военным корреспондентом. И он сегодня же ночью направляется в Южную Осетию. После которой была первая заграникомандировка от солидного издания в бушующую антикоммунистическим протестом Румынию. Потом в Баку с ужасным межнациональным противостоянием, настоящая война в Приднестровье. Репортажи откуда уже нередко показывали по центральным телеканалам.

Когда Кирилла вызвали в деканат объясниться «за прогулы» и пригрозили отчислением, он заявил, что следующий раз явится туда, если позовут преподавать. Поскольку сейчас здесь учиться профессии невозможно. Только напрасная

трата времени.

Света же продолжала грызть гранит науки, в которой без серьёзного образования не стоит и мечтать о карьерных высотах. Впрочем, в отличие от того же Кирилла или подружки, она совсем не заморачивалась вопросами о будущем. Ей нравилось учиться. И она старалась не отвлекаться, насколько это получалось, учитывая её дружбу с Галиной.

Глава 8

Проснулся Никита от запаха кофе и яичницы. Почти домашние ароматы и женские голоса на кухне, заставили забыть о страхах и сумятице последних дней. Осознав, что уже выспался, Никита натянул джинсы, взял из чемодана зубную щётку, пасту, полотенце и, стараясь не шуметь, прошёл в ванную, которую отделяло от кухни небольшое окошко.

– Ну, рассказывай? Как он отреагировал? – услышал Никита незнакомый женский голос.

– Я думала, ударит, – ответила Ирина. – Он как обувку мужскую увидел, так аж позеленел. Но потом та-а-а-а-ак ночью старался. Я боялась, соседи от грохота кровати проснутся и стучать по трубам начнут.

Никита невольно подслушал разговор, не предназначенный для чужих ушей. Он очень осторожно покинул ванную и, стараясь не обозначать своего присутствия, пошёл в «свою» комнату. Но в коридоре столкнулся с мужчиной лет сорока. Тот был в синем шерстяном костюме с надписью «СССР» на груди.

– Здравсте, – выпалил Никита он неожиданности.

Колючим, казалось царапающим, взглядом мужчина даже не осмотрел, а просканировал гостя с ног до головы. Неприятный холодок пробежал по спине Никиты.

– Доброе утро, юноша, – наконец ответил незнакомец, –

Пройдёмте. Нам нужно переговорить.

В комнате, где спал Никита, мужчина занял кресло и оставил собеседнику стул, давая понять, кто здесь хозяин. Выдержав паузу, он начал говорить негромко, но очень убедительно, глядя прямо в глаза.

– Меня зовут Семён Маркович. И я, как вы, наверное, догадались, не посторонний человек для Ирины Борисовны. И мне не нужно, чтобы кто-то находился в этой квартире, кроме её хозяйки. Тем более мужского пола. Я бы выставил вас на улицу прямо сейчас.

Семён Маркович говорил медленно, делая паузы, то ли оценивая реакцию собеседника, то ли подыскивая слова, а может просто, давая время обдумать сказанное.

– Но у вас есть шанс избежать такой участи. Вы сейчас совершенно случайно оказались на развилке. Знаете, как в сказке, где на камне написано: «Налево пойдёшь, направо пойдёшь». Для вас, юноша, таким камнем стал я. В одну сторону у вас удача, в другую – как получится. Куда вы двинетесь, зависит от вашего решения.

Ещё одна пауза прервала разговор, который пока больше походил на монолог. Семён Маркович дал возможность Никите проникнуться сказанным.

– Если вы, юноша, сейчас очень подробно, не утаивая никаких, даже неприятных для вас фактов, расскажите мне, кто вы и как вы оказались в этой квартире, то у вас появится шанс направиться в правильную сторону. Итак, я слушаю. И

если хоть один факт из сказанного вами не подтвердится, то завтра вы будете искать, где переночевать. И это ещё в лучшем случае.

В этот момент в комнату зашла хозяйка.

– А, я вижу, вы уже познакомились, – сказала она и взглядом пробежала по голому торсу Никиты. Это с неудовольствием заметил и Семён Маркович. – Мы с Валеёй пройдемся по магазинам...

Короткую паузу Семён Маркович истолковал правильно.

– Возьми у меня в кошельке сколько нужно...

– Да, что ты, Сёма. Я ничего не собиралась... – замялась

Ирина в присутствии невольного свидетеля.

Когда хозяйка ушла, Никита неожиданно для себя выложил всё о недавних событиях, разом изменивших его жизнь. Рассказывая, он как будто вытаскивал из памяти случившееся в последние дни, о чём мечтал забыть. И чудным образом, описанные другому человеку неприятные приключения переставали казаться столь трагичными. На душе, как от чудодейственного лекарства, становилось спокойней. Внимательно слушая, Семён Маркович, периодически делал пометки в небольшой записной книжке и иногда уточнял: название судна, адрес Любы, номер поезда, фамилию родственника бывшего мужа Ирины.

Наконец, он попросил взглянуть на паспорт Никиты и, быстро просмотрев несколько страниц, ушёл.

Только теперь Никита понял, какую цену имеет информа-

ция. Узнав всё, этот незнакомый мужчина, про которого Никита ничего не знает (даже имя и отчество не обязательно реальные), может связаться с Гошей Сычом и самые неприятные последствия, от которых Никита бежал, его настанут, когда он уже считал себя в относительной безопасности.

После обеда вернулась хозяйка с множеством пакетов и быстро скрылась в своей комнате. Она, похоже, примеряла обновки и, немного возбуждённая таким мероприятием, появилась на кухне явно в новом халатике, очень удачно подчёркивающим её формы.

Порадовавшись оценивающему взгляду молодого человека, Ирина спокойно отнеслась к самодеятельности гостя, который похозяйничал на кухне, приготовив немудрённый обед.

– Вы извините. Я заплачу за картошку, чай, масло. А хотите, сбегая в магазин и всё куплю, – объяснился Никита.

– Не нужно. Семён тебе просил передать, чтобы сидел дома. А за картошку спасибо. Мне уже сто лет никто не готовил поесть.

Семён Маркович пришёл очень поздно. Никита спал, но проснулся от присутствия постороннего в комнате и, несмотря на темноту, сразу понял кто сидит в кресле.

– Чутко спишь. Это хорошо, – похвалил Семён Маркович. – Сейчас слушай внимательно и запоминай. У нас не скоро будет возможность поговорить. Ты мне рассказал правду. И я, думаю, могу тебе доверять. Не потому, что я

доверчивый или ты не обманешь. Просто ты любишь и ценишь своих близких. И ежели надумаешь меня кинуть, то с ними случатся очень плохие вещи. Это ты должен усвоить чётко. Только попытаешься обмануть, пострадает много дорогих тебе людей, и ты сам, в первую очередь.

Говоривший замолчал, давая возможность молодому человеку осмыслить сказанное. Ещё до того, как у Никиты появились вопросы, продолжил.

– Ни одна живая душа не должна ведать о нашем знакомстве. Ирке я скажу, мол, замолвил в общаге словечко и не имею представления, где ты. Она поверит. Думает, я из ревности хочу выставить. Завтра я передам контакты, к кому обратиться. Тебя возьмут на работу и устроят в общежитие. Когда попросят документы, покажешь вот эту справку. – Семён Маркович положил на журнальный столик бумажку. – О том, что паспорт сдал на замену по возрасту. То есть тебе скоро двадцать пять. А фамилия твоя не Соколов, а Соколы. – И, предваряя вопросы, пояснил: – Гоша Сыч реально роет землю в поисках обидчика. И это уже не личное. Он, пользуясь удобным случаем, свалил на тебя свои манипуляции с общаком. Понимаешь масштабы? – Никита не понимал, но кивнул, соглашаясь, – Здесь у него не те возможности, но от своих ментов информацию получить может.

Далее последовала очередная пауза, которая позволила Никите осознать: выбор он уже сделал. Ещё вчера, когда он рассказал этому незнакомому мужчине всю правду о себе.

– Связь через мои звонки на вахту в общежитии. Сообщения будут подписаны инициалами. Всегда разными. Первая буква – это день недели, вторая – число. Если бы ты получил записку сегодня, то как бы она была подписана?

– С. Т., – не задумываясь, ответил Никита.

– Правильно. Среда, тринадцатое. Быстро соображаешь. Это хорошо. Если подпись будет иная, то тебя хотят обмануть. И последнее: месяц-другой ты мне не нужен. Просто работай. Живи своей жизнью. А когда получишь сообщение, помни – время встречи на два часа раньше назначенного, а «наше место» означает крытый перрон Киевского вокзала.

– Семён Маркович, а вы не шпион? – понимая наивность вопроса, всё же задал его Никита. – А то я родине не хочу изменять.

– Молодой человек, должен вас огорчить, но шпионы сейчас сидят в очень высоких кабинетах в партийных и силовых структурах. А ещё в правительстве. А мы простые смертные только пытаемся выжить в том хаосе, который они устроят очень скоро. И желательно не просто не сдохнуть, но и что-то поиметь с устроенного ими бардака. Да и с родиной у нас скоро может быть полная неопределённость.

Глава 9

Следующим утром Ирина позвала Никиту позавтракать, и его удивила необычная сервировка. На свежей скатерти стояли две абсолютно белые тарелки, без привычных одинакового цвета кругов. Одна с яичницей-глазуньей, другая с подрумяненными ровными ломтями белого хлеба и маленьким брикетиком сливочного масла. Рядом на деревянной подставке разместились тоже абсолютно белые розетки с вишнёвым вареньем и мёдом. Завершали композицию мудрёные приспособления с надписью «Соль» и «Перец» на английском.

Никита сел за стол и не решался прикоснуться.

– Красота, – наконец сказал он, – Даже есть страшно.

– Это называется европейский завтрак. Когда мы с Семёном были в Германии, нам в отеле каждое утро так подавали в номер, – пояснила это Ирина, с деланным безразличием и ударением на слове «отель». Мол, нельзя назвать место, где такой комфорт, просто гостиницей.

Довольная полученным эффектом, она села напротив, положила скрещённые ладони на край стола и склонилась вперёд, отчего и так не сильно скрытые халатиком груди практически выпали, отвлекая внимание от европейского завтрака.

– Это называется тосты. У меня есть специальная немецкая штука для их приготовления. – говорила хозяйка, пока-

зывая подбородком на тарелку. – Мажь маслом пока хлеб горячий, а я кофе сварю.

Когда Ирина встала и в коротком халатике, едва прикрывающем попу, поставила на плиту турку, Никита невольно сглотнул слюну, настолько сильно пересохло в горле. Но тут же вспомнил колючий, даже казалось, царапающий, взгляд Семёна Марковича и отвёл взгляд от хозяйки

Спускаясь по лестнице с чемоданом, Никита думал:

«А не напрасно Маркыч-то мужиков от неё убирает. Реально получается от греха подальше».

Перед уходом Ирина вручила адрес, куда нужно обратиться, пригласила заходить в гости, но только днём и даже поцеловала в щёку, прижавшись при этом пышной грудью.

Никита довольно долго плутал в поисках нужного адреса. Попытки узнать дорогу у местного населения он бросил после третьего раза, когда на вопрос:

– А вы не знаете, как пройти...

Ему отвечали:

– Нет! – даже не дослушав.

Средних лет женщина с уставшими глазами сидела за столом, на котором красовалась табличка «Раиса Дмитриевна Звягина». Она без интереса выслушала Никиту и молча протянула руку за документами.

– От кого бегаем? – нейтрально спросила она, разглядывая справку. – От алиментов, милиции, кредиторов?

– Девушка, вы почему так агрессивно настроены? Вы же

меня совсем не знаете, а сразу столько негатива, – делано возмутился Никита, желая смягчить обстановку.

Сработало. Раиса Дмитриевна улыбнулась.

– Я всех вас знаю. Как облупленных. А за «девушку» спасибо.

Затем Никита расписался в нескольких журналах. Узнал, что принимают его стажёром с испытательным сроком. Прислушал инструкцию, из которой вынес одно: если с ним произойдёт несчастный случай и он будет в это время пьян, то вся вина ложится на него.

– А если с трезвым несчастье произойдёт? – совсем расхрабрился кандидат, – Такой вариант не рассматривается?

– Нет! – отрезала Раиса Дмитриевна. – Ты с Сергеичем работаешь. – И добавила: – Пойдём твоё место в общежитии покажу.

Заселили Никиту в общежитие, расположенное этажом выше офиса. В четырёхместной комнате соседей пока не было. После получения рабочей одежды с указанием принадлежности к организации «Эксплуатация спецобъектов» Никита познакомился с напарником.

Сергеич оказался немолодым шуплым мужчиной неопределённого возраста и похожим благодаря своей узенькой седой бородке на профессора или доктора Айболита с обложки детской книги. Он был трезв и не очень приветлив. Второе исходило из первого – предположил Никита.

– Александр Сергеевич, можно просто Сергеич, – пред-

ставился наставник.

– Как Пушкин? – решил сумничать стажёр.

– И как Грибоедов. А ещё Даргомыжский, Булгаков...

– Так он, вроде, Михаил Афанасьевич.

– Он Михаил Афанасьевич, а я Александр Сергеевич.

– Булгаков, не морочь парню голову, – вмешалась Раиса Дмитриевна. – И не спаивай мне пацана. Ему, в отличие от тебя, печень ещё может пригодиться.

– Печень, Раечка, скоро никому в нашей стране не потребуется, – спокойно возразил Булгаков.

Беседа происходила в раздевалке. Когда Раиса Дмитриевна ушла, Сергеич открыл один из большого числа металлических ящиков и достал оттуда робу с такой же, как и у Никиты надписью.

– Твоя соседняя, – подсказал он.

Никита надел униформу, как называла Дмитриевна выданную робу, а свою одежду оставил в шкафчике. И, ему показалось, стал немного другим человеком. Впрочем, и на судне в морской форме ощущения были примерно те же.

– А делать, что умеешь? – переодевшись, спросил Сергеич.

– А что нужно? – поинтересовался Никита, ещё не представляя, чем будет заниматься.

– Всё.

– Тогда, умею работать с брашпилем, стопорами отдавая и выбирая якорь. Могу выбирать швартовы при отходе от при-

чала, крепить бросательный конец, – перечислил обязанности матроса Никита. – Ещё управлял температурой в рефрижераторном вагоне. Ну, и всё, касаемое дифференциального и интегрального исчисления.

– Последнее, может, и пригодится, а остальное *ни-кче-му*, – сказал Сергеич и спросил: – Ты хоть знаешь, чем мы занимаемся?

Никита только отрицательно покачал головой.

– То-то и оно. Всем. От засора унитазов до диареи у секретарши директора, – с тоской в голосе пояснил Сергеич и после паузы добавил: – Про диарею – шутка. Но раз ничего полезного не умеешь, то ящик таскать тебе.

Перед выходом на смену Раиса Дмитриевна выдала заказ-наряд на день. В нём было два адреса с указанием проблем, которые требовалось устранить.

Сергеич поворчал, дескать, это слишком много, со стажёром в первый день и до вечера можно не управиться, но, не ожидая корректировки задания, пошёл на выход. Никита, подхватив ящик с уже знакомой надписью, поспешил следом.

Потом стажёр с новым наставником долго сидели в какой-то забегаловке, где Сергеича все знали. Официантка в клеёнчатом фартуке приветливо поздоровалась и принесла бутылку минералки, стаканы и два бутерброда с сыром. Объяснив такое радушие периодически оказываемой помощью, Сергеич достал из кармана плоскую флягу. И, предотвращая

возможный отказ напарника, пояснил:

– Сегодня нужно. Коли трезвыми глазами первый раз на всё это взглянешь – жить не захочется. Посему считай алкоголь просто прививкой от отчаяния. Для тебя пусть будет – разовой.

Никита не разделял пессимизма наставника, но отказать составить компанию в первый же день не решился. Лишь напомним:

– Так, вы сказали работы много.

– А я, по-твоему, должен был ещё заказ попросить? – ответил наставник, – У нас время есть. В турагентстве только пробки поменять. У них термопот течёт... это штука вместо чайника используется. Воду держит горячей, – пояснил Сергеич на всякий случай, разливая при этом по стаканам из фляжки. – И, само-собой, замыкает. А в бухгалтерии кран течёт. Минутная работа, умеючи.

Никита взял стакан и понюхал. Резкий запах медицинского спирта остановил.

– Спирт? – он всё же решил удостовериться.

– Не пил неразведённый? – поинтересовался наставник и тоном учителя продолжил: – Тогда получай первый урок. Может самый важный на сегодня. Делаешь глубокий вдох, потом на полу выдохе задерживаешь дыхание и выпиваешь, не дыша. Подносишь хлебешек близко к носу и медленно-медленно выдыхаешь в него. И вся наука, – закончил Сергеич и сразу продемонстрировал, как это делается.

Никита, под внимательным взглядом «учителя», повторил мудрёную процедуру.

– Споёмся, – весело прокомментировал наставник и хлопнул по плечу своего стажёра. – Хватаешь всё на лету.

Хмель быстро, почти моментально переключил мозг на благостный режим, и Никита осознал, как ему повезло попасть в Москву, удачно познакомиться с Ириной, Семёном Марковичем, Сергеичем. И даже Раиса Дмитриевна показала милой.

Глава 10

Никита очень редко и мало употреблял алкоголь. И сейчас, выпив буквально два глотка, правда, чистого спирта, быстро захмелел. Но опьянение казалось лёгким и поднимало настроение, не мешая беседе. Тем более говорил в основном Сергеич.

Он коротко рассказал о фирме «Эксплуатация спецобъектов», которая, как выяснилось, обслуживала исключительно компанию «Аренда коммерческой недвижимости». Всем этим владела Алёна Никитична, знакомая по прежней жизни Сергеича.

Та с началом изменений в стране быстро сориентировалась и организовала кооператив, который прозябал какое-то время. Потом дальновидная хозяйка поменяла непригодно для бизнеса мужа на нового, занимавшегося городской недвижимостью в Мосгорисполкоме. И предприятие быстро стало богатеть, расти и множиться.

А Сергеич, оставшись без жены, получил после развода однокомнатную квартиру и потерял смысл жизни. И запил. Его вежливо попросили из института, где он преподавал историю КПСС. А Алёна Никитична пожалела нечужого себе человека и устроила его в одну из своих фирм. На место, которому не сильно мешала пагубная привычка.

– Все вдруг захотели перемен, – резко поменял тему Сер-

геич. – Это наша самая большая проблема на современном этапе. Вот это нас и погубит.

– Но разве перемены – плохо? – удивился Никита.

– И что, конкретно, юноша, вы хотите поменять? – спросил Сергеич тоном, которым он общался со студентами на лекциях.

Никита пожал плечами. Ему абсолютно не хотелось думать. Но собеседника уже было не остановить.

– Вот один из глашатаев перестройки страдает, мол, ему никогда не подадут горячий шоколад в постель. Озвучивает это он легко, весело и зал аплодирует, присоединяясь к его желанию. И все захотели того же. Какао в столовке им уже не годится. Надобно только шоколад в кофейной чашке английского фарфора и непременно в постель.

– И что в этом плохого? – решился на ещё одни вопрос Никита.

Сергеич грустно посмотрел на собеседника.

– Вы же умный человек. Дифференциальное исчисление, вон, выучили. Должны понимать: завтрак сам себя не приготовит. И одному будет шоколад в постель. А другому придётся этот шоколад варить и в опочивальню нести. «Вот вам кофию, барин». Теперь понятно, чему народ и вы, юноша, аплодируете? Иначе не бывает. Одни вкушают прелести жизни, другие за гроши эту сладкую жизнь обеспечивают. Вот и все ваши перемены, которых вы желаете.

– Не, ну это не совсем так, – всё же решил высказать своё

мнение Никита, а может это его хмель к тому подталкивал.

– Один мой хороший знакомый, который свет повидал не из окна экскурсионного автобуса, мне говорил: «Всё, что наши газеты пишут о нас – это ложь. Но про них – чистая правда». Посему, готовься, дружище, любоваться хищным оскалом капитализма. И ни джинсы, ни Макдоналдс не компенсируют потерянного.

Никита посчитал услышанное обычным ворчанием обиженного на жизнь очень пожилого человека. Но относительно работы Сергеич оказался прав. Электричество в турагентстве они починили быстро.

– А почему не сказать им по поводу протекающего термопота? – поинтересовался уже на улице Никита.

– И оставить себя без работы и зарплаты? Вот станут наши начинающие капиталисты платить ремонтникам, как Генри Форд, так у меня сразу всё будет в идеальном состоянии. А пока работаем в соответствии с условиями оплаты труда, – пояснил Сергеич.

– А как платил Форд? – спросил Никита.

– Ремонтники конвейера на его заводах получали исключительно за время нахождения в комнате отдыха. Хороший стимул делать свою работу быстро и качественно.

Вернувшись в общежитие, Никита понял, скорее, даже почувствовал, что его чемодан кто-то открывал. Он сразу же проверил вещи. Ничего не пропало. Даже деньги лежали на месте в старом конверте, в котором выдали зарплату ещё на

судне. Но беспокойство не покидало, и Никита пересчитал. Денег осталась примерно половина. Злоумышленник не забрал всё, дабы потерпевший не сразу заметил кражу. И действительно Никита не мог сейчас с уверенностью сказать, когда пропали деньги. Да и идти жаловаться в милицию было нельзя.

Оставалось принять новые условия жизни и позаботиться о сохранности своих вещей. И тут в памяти всплыла картинка: Люба суёт в карман его куртки свёрнутые пополам зелёные купюры. Никита с тревогой достал свою морскую форму и с удивлением обнаружил валюту на месте.

«Интересно получается, – подумал он, – кошелёк, спрятанный на самом дне чемодана, вор нашёл. А, лежащую сверху куртку даже не проверил».

Глава 11

Никита быстро приспособился к новой для него реальности. Это позволяло не думать о настоящем, не строить планы на будущее и почти не вспоминать о прошлом. Только через пару недель он решился позвонить маме из телефона-автомата на междугородной станции. Никита, не объясняя причины исчезновения, сообщил, что в Находке устроился на рыболовецкое судно и на днях идёт в рейс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.